

УДК 332.2.021

А. С. Филатов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА: УКРАИНСКИЙ ВАРИАНТ

В рамках политологического анализа состояние украинского общества и, соответственно, государства определяется как переходное, или, в ином языке происхождения, – транзитное. В таком состоянии общество стремится осуществить переход от традиционных (сложившихся) стандартов социально-экономического и политического функционирования к новой модели социального развития. Вполне понятно, что подобного рода переход, равно как и любые другие социальные фазы, имеет и свои принципы и нормы, и определенные временные интервалы. Иными словами, сам социальный переход также должен осуществляться на основе строгой модели, адекватной сложившейся социальной реальности. С учетом того, что сущность политических институтов выражается в системе контроля и распределения социальных интересов, для них основная социальная функция определяется организацией управления обществом. Ведущим политическим институтом выступает государство, поэтому именно государство как институт и его органы призваны обеспечить и сам процесс социального перехода, и, что самое главное, переходную модель функционирования социальной системы. Одной из форм всех этих действий становится политическая реформа, призванная утвердить эффективно работающую модель социального движения.

На Украине, начиная с получения ею независимости в 1991 году, особо не утруждали себя созданием модели переходного периода. Все буквально сводилось к примитивному лозунгу «*Будімо будувати незалежність!*» и, что самое негативное, к таким же действиям. Парадокс состоял в том, что Украина уже получила независимость после распада Советского Союза, так что получалось «масло масляное». Все политические процессы сводились фактически к перераспределению власти и собственности и, вследствие этого, к борьбе различных группировок. Нельзя сказать, что в Российской Федерации не происходило подобного перераспределения, но там это не было доминирующим фактором общественного развития. На Украине же именно перераспределение стало определяющим в постсоветский период истории. И это не удивительно: ресурсы, оставшиеся от СССР, становились объектом повышенного интереса.

Впервые сколько-либо заметно политическая реформа попыталась обнаружить себя весной 2000. Тогда даже провели референдум. Чему он был посвящен, сейчас мало кто вспомнит... Референдум провели, команда президента попутала своих политических оппонентов, и на этом все закончилось. Поэтому та «политическая реформа» явно должна быть заключена в кавычки. Но это, как говорится, «дела давно минувших дней», сейчас на повестке дня стоит уже другая политическая реформа. Кстати,

принципиально отличающаяся от той, 2000 года. Тогда президент хотел расширить свои полномочия, сейчас он их формально ограничивает. Уже эта амплитуда подтверждает высказанную здесь мысль о том, что все вращается вокруг перераспределения, и только. Никакой действительной модели не предполагается.

Краеугольным камнем новой политической реформы является переход от смешанной (пропорционально-мажоритарной) системы выборов в Верховный Совет Украины к чисто пропорциональной. На уровне местных представительных органов (за исключением сельских и поселковых Советов) вообще кардинально меняется избирательная система – от мажоритарной к пропорциональной.

Теперь люди в политике и люди от политики выстроились в две шеренги, стоят друг напротив друга и доказывают, прежде всего самим себе, что лучше: пропорциональная или мажоритарная система выборов. Но спор этот очень уж похож на схоластический. Многие, как принято говорить, рядовые избиратели пока слабо представляют себе суть этих двух систем. По этому поводу вспоминается такая философская байка. Когда-то два средневековых философа-схоласта (греч. *scholasticos* – школьный, теоретизированный), гуляя по парку, дискутировали о том, должны ли быть в принципе у крота глаза. Услышав их спор, садовник посоветовал просто поймать крота и убедиться, есть у него глаза или нет. На что услышал в ответ: мы спорим не о действительности, а о принципе! Может быть, и в нашем случае стоило бы начать хотя бы с того, что объяснить все преимущества и недостатки каждой из систем.

Главный аргумент «пропорциональщики» состоит в том, что мажоритарная система позволяет «толстосумам» покупать выборные округа и становиться депутатами. Пропорциональная система вроде бы лишит их такой возможности. Однако что помешает «денежным мешкам» купить проходные места в списках популярных партий? Вопрос остается без ответа.

«Мажоритарщики» говорят, что пропорциональная система растворяет интересы населения конкретных избирательных округов в узкопартийных интересах, и люди уже никогда не дождутся решения их насущных жизненных проблем. Как будто до сего времени, когда на всех уровнях представительной власти (за исключением Верховного Совета Украины, куда депутаты избирались и по мажоритарной и по пропорциональной системам – 50% на 50%) господствовала мажоритарная система, эти жизненные проблемы успешно решались!

Все эти дискуссии, конечно же, не праздные. Но и не реформаторские также. Введение пропорциональной системы выборов – это всего лишь стремление политических «тяжеловесов» монополизировать каналы, обеспечивающие продвижение социальных агентов в поля управления обществом. Разве не похоже то, что происходит сейчас на политическом пространстве Украины, на недавнее постановление о необходимости формирования туристическим фирмам базового капитала в двадцать тысяч евро, чтобы продолжать заниматься своей деятельностью? В последнем случае все мелкие турфирмы должны искать «прикрытие» у богатых фирм. При пропорциональной системе политические деятели местного уровня должны искать партию, чтобы участвовать в избирательной кампании.

Мне видится, что спор «мажоритарщиков» с «пропорциональщиками» действительно очень похож на диспут тех средневековых схоластов, которые дискутировали о зрении крота. Почему? Да потому, что какую бы систему выборов мы ни вводили в обществе и в государстве, где практически отсутствует гражданская инициатива и организационно оформленная гражданская позиция, все будет одинаково неэффективно.

Уже почти тринадцать лет идут разговоры о гражданском обществе, но «воз и ныне там», там, где он был в самом начале 90-х годов, если не «отъехал» в обратном направлении. Да и какое может быть гражданское общество в стране, где на корню «подсекается» любая частная инициатива, когда общественные организации находятся под таким контрольно-ревизионным и налоговым прессом (как и экономические структуры), что им некогда подумать о самоорганизации и общественной инициативе. В то же время государственное лицо «высшего полета» (бывшее в то время главой администрации президента) «стряпает» сугубо компилятивную (краденую) статью об ущербности гражданского общества как такового. Помилуйте, сударь, мы его еще не построили (а уж вы-то тем более не строили), чтобы рассуждать по поводу ущербности!

Следовательно, прежде чем дебатировать и тем более утверждать новую систему выборов, необходимо решить целый ряд острых вопросов, связанных с целостной системой социального управления и функционирования. Среди них наиболее актуальный и значимый имеет непосредственное отношение к устройству и организации взаимодействия всех социальных агентов в обществе – на политическом, гражданском и экономическом полях. Речь идет об утверждении в обществе регламентирующей процедуры в отношении социальной активности граждан и организаций, которая должна вытеснить господствующую сейчас распорядительную процедуру. О том, что последняя господствует, свидетельствует так называемая отмена прописки и якобы замена ее регистрацией места проживания граждан. На деле все свелось к банальной смене терминов, но де-факто при регистрации необходимо осуществлять те же действия, быть так же зависимым от правоохранительных органов, что и прежде, когда действовала система прописки.

Следующая проблема органично связана с предыдущей. Ветвь власти, которую принято называть исполнительной, действует в нашем обществе как распорядительная. К примеру, лишь только очень крупные экономические структуры на региональном уровне чувствуют себя достаточно независимо по отношению к органам местной власти, да и то только потому, что у них есть «подходы» к исполнительной власти общегосударственного уровня. А вот показателем господства распорядительной системы в украинском обществе является стремление предпринимателей поменять место в своей коммерческой структуре (даже если это очень большая структура и даже если это очень доходное и престижное место) на тот или иной государственный пост. Известный украинский банкир А. Тигипко искал и нашел себе место в государственной структуре, оставив формально руководство «Приватбанком».

Поэтому возникает необходимость в условиях переходного общества (если это переход к демократии) осуществить коренную трансформацию **распорядительной власти** (что мы сейчас имеем) по направлению к **исполнительной**.

По-прежнему острой остается проблема качества общественного сознания. Из трех основных типов общественного сознания – аналитического, социального и массового – доминирующим является массовый тип общественного сознания [См.: 1, 2, 3]. Опасность массификации общественного сознания состоит в том, что его носители составляют потенциальную базу маргинального слоя в обществе. Этот социальный слой, который может включать в себя представителей разных профессий и классов, находится в состоянии скрытой, а зачастую и открытой конфронтации со сложившейся (действующей) социальной структурой, отторгает социальные стандарты и предрасположен к социальным (прежде всего – политическим) конфликтам. Данный социальный уклад (который характерен для переходного общества в такой же мере, как и для какого-либо другого) воспринимается маргиналами как не просто чужой, но и чуждый. По моим данным, в нашем обществе скрытая форма маргинализации достигает 68%! Это очень тревожная цифра, она фактически показывает процент людей, которые как не принимают сам социальный уклад переходного общества, так и не видят перспективы социального движения.

Было бы совершенно неправильно перекладывать всю ответственность за такое развитие ситуации на общество в целом и даже на ту его большую часть, которая подвержена маргинализации. При отсутствии как модели переходного периода (а здесь обязательно должна быть определенная модель социальных изменений), так и четкой цели социального перехода вряд ли возможно ожидать социальной поддержки. Единственное, на что можно рассчитывать, – это на политическую индифферентность населения. Однако следует помнить, что политическая индифферентность – прекрасная почва для всевозможных политических авантюр!

Ко всему отмеченному следует добавить, что Украина не имеет ясной модели государственного строительства, следовательно, все еще не знает точно, в каком направлении ей необходимо двигаться. О том, что упомянутая модель напрочь отсутствует, говорит такой совершенно очевидный факт (хотя привести их можно более чем достаточно), что Украина провозглашается как унитарное государство, но при этом имеет (в прямом и переносном смысле) Автономную республику Крым (т. е. элемент федеративного устройства). Несмотря на это, ее политические деятели спорят, по какой системе лучше будет избираться! Простите за сравнение, но это то же самое, что спорить о чистоте рубашки, не помыв предварительно тело.

По всему получается, что политическая реформа подразумевает, прежде всего, реорганизацию системы регулирования и регламентации процесса реализации интересов агентов социальной деятельности. Такая трактовка политической реформы берет свои основания еще в политической философии Т. Гоббса. Как известно, Гоббс основную функцию государства, выступающего в качестве основного политического института, видел в регулировании отношений субъектов политической деятельности, которые по природе своей склонны присваивать достоинства другого субъекта (конфликт интересов). В этом и заключен стержень социального управления, управления обществом, иногда жесткими мерами, чтобы воспрепятствовать

«войне всех против всех». Потому государство – это «левиафан», вынужденное социальное зло, к которому прибегают люди, чтобы исключить еще большие неприятности. Следовательно, если традиционная система регулирования и регламентации социальных интересов подвержена энтропии и не в состоянии организовывать социальное пространство, неизбежно возникает ситуация социального хаоса, и необходимо искать новые механизмы и рычаги социального управления. Тогда политическая реформа призвана обеспечить формирование эффективных и операционально приложимых способов социального управления. Эффективность способов управления требует функционирования таких социальных механизмов, которые обеспечиваются продуктивной деятельностью определенных социальных агентов – индивидуальных и коллективных. Основным видом оформления агентов в сфере реализации социальных интересов, т. е. в сфере политики, выступают политические партии.

Как известно, с позиции ценностей демократического общества политическая партия является основным средством выражения социальных интересов крупных общественных образований – социальных слоев и классов. Если партии не выполняют эту миссию, есть все основания говорить о неустойчивости принципов и стандартов демократии в обществе. Таким образом, политическая реформа может стать состоявшейся тогда, когда она либо направлена на формирование условий проявления разноплановых интересов социальных групп (переходное общество, движущееся к демократии), либо обеспечивает цивилизованное функционирование политических партий, выражающих интересы различных социальных групп.

В предыдущих публикациях мной была предложена классификация политических партий на четыре основных типа: патронажные, социальные, прагматические и идейные [см.: 1, 4]. Демократическим стандартам в наибольшей степени соответствуют социальные партии, которые базируются на основе определенных социальных слоев и классов и действуют по модели «обратной связи» с ними. В современном украинском обществе де-факто таких партий не существует, а имеются лишь декларации намерений стать таковыми. Да и то большей частью такие декларации являются не более чем своеобразными рекламными акциями. Наиболее распространенным типом политических партий на Украине являются патронажные партии, создаваемые под определенного лидера с целью продвижения узкогрупповых, клановых интересов.

Хотелось бы отметить, что патронажные партии по природе своей являются антидемократическими и не склонны к каким-то принципиальным изменениям в обществе, направленным на развитие гражданской инициативы, социальной активности и экономической предприимчивости, т. е. ко всему тому, что может характеризовать социальные трансформации в сторону демократии. По сути дела, патронажные партии, равно как и прагматические, создаваемые для продвижения определенных материально-финансовых интересов клановых групп, партиями как таковыми и не являются. Это своеобразные политические группировки, формируемые под патрона или цель, которые чужды социальным интересам общества в целом и стремятся видеть общество однообразным, лишенным качественного структурирования.

Вот в таких условиях нам предлагают еще одну «политическую реформу», кото-

рая призвана обеспечить партиям каналы продвижения своих интересов через законодательные и представительные органы власти. С учетом отмеченного качества «партийной жизни» понятно, какие это будут продвижения и что из этого может получить общество. – В лучшем случае очередную «головную боль», а в худшем – транзит в сторону «бананово-лимонной» республики. Следовательно, и эту, 2004 года, «политическую реформу» мы можем также со всем основанием заключить в кавычки. Не много ли получается кавычек в политической истории Украины?

В заключение хотелось бы отметить следующее. Если уж кому-то на Украине очень хочется говорить о реформе и выглядеть реформатором, то тогда, в данном контексте, возможно вести речь разве что о реформировании избирательной системы, но никак не о политических преобразованиях в обществе. Однако никакое реформирование в «производных величинах» не будет эффективным и продуктивным, если не совершены качественные изменения и трансформации в «первообразных величинах». В нашем случае избирательная реформа – это как раз и есть производная величина от комплексной политической реформы, которая возможна, в своем демократическом наполнении, на основе правовых гарантий самостоятельности первичных (личности) и вторичных (создаваемые ими группы) социальных субъектов в сферах своих компетенций, когда сфера компетенции большего сообщества (в т. ч. государства) начинается там, где кончаются возможности меньшего сообщества и гражданина [более подробно об этом см.: 5]. Иначе все так называемые «реформирования» превращаются в политическую мимикризацию и манипуляции общественным мнением. Без действительной политической реформы мы дальше манипулятивной демократии двинуться не сможем.

Список литературы

1. Филатов А.С. Электоральное поведение и политические технологии: как добиться успеха на выборах. – Симферополь: PARTNER, 2002. – С. 8-18.
2. Филатов А.С., Лукашевич Л.С. Общественное мнение о коррупции. По результатам социологического исследования в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». Том 16 (55). – N 1(2003). – С. 33-45.
3. Филатов А.С. Маргинализация как фактор деструктурирования общества // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Трансформація соціальних інститутів та інституціональної структури суспільства: Наукові доповіді і повідомлення III Всеукраїнської соціологічної конференції / Соціологічна асоціація України, Інститут соціології НАН України. За ред. М.О. Шульги, В.М. Ворони. – К., 2003. – С. 429-432.
4. Филатов А.С. Украинский политический процесс. Выборы // Структура и содержание связей с общественностью в современном мире. Материалы международного семинара. Вып. Социальные науки. / Луган. гос. пед. ун-т им. Т. Шевченко; Отв. ред.: Л.Н. Синельникова, Л.Ф. Компанцева, Г.А. Петровская. – Луганск: Знание, 2002. – С. 212-222.
5. Филатов А.С. Гражданское общество и местное самоуправление: Учебное пособие / Второе издание, переработанное и дополненное. – Симферополь: Издательство «Таврия», 2002. – 148 с.

Поступило в редакцию 17 июля 2004 г.